

УДК 811.11

АРХИТЕКТУАЛЬНОСТЬ В НАУЧНОМ ДИСКУРСЕ

А.Э. Синёв¹, О.А. Крапивкина²

Иркутский государственный технический университет,
664074, Россия, г. Иркутск, ул. Лермонтова, 83.

Рассматривается архитекстуальность как один из типов интертекстуальных связей, реализуемых в научном дискурсе. Теоретическая основа изучению феномена интертекстуальности была заложена в работах теоретиков постмодернизма (Р. Барт, Ю. Кристева, М. Фуко и др.). Используя в качестве примеров высказывания из научных статей, опубликованных в российских научных журналах, авторы анализируют проявления архитекстуальности в научном дискурсе.

Ключевые слова: научный дискурс; архитекстуальность; статья.

ARCHITEXTUALITY IN SCIENTIFIC DISCOURSE

A. Sinyov, O. Krapivkina

Irkutsk State Technical University

83 Lermontov Str., Irkutsk, Russia, 664074.

The article deals with architextuality as one of the types of intertextual relations in scientific discourse. The postmodernism theoreticians (P. Barthe, J. Kristeva, M. Foucault) laid the foundation for the theoretical basis of the phenomenon "intertextuality". Using as examples the utterances from the scientific papers published in Russian journals, the authors analyze architextual relations in scientific discourse.

Keywords: scientific discourse, architextuality, paper.

Целью данной статьи является анализ реализации архитекстуальности в одном из прототипических жанров научного дискурса.

Идея о том, что дискурс множеством нитей связан с предшествующими и последующими произведениями и погружен в интертекстуальную среду, была высказана еще М. Фуко, а начало изучению феномена интертекстуальности было положено в работе Ю. Кристевой [8], которая, опираясь на идеи М.М. Бахтина, разработала учение об интертекстуальности. Суть концепции М.М. Бахтина можно свести к следующему: изолированно высказывание существовать не может, потому что это всегда реакция на высказывание другого субъекта и ожидание реакции на новое высказывание. Однако сам Бахтин говорит не об интертекстуальности, а о диалоге: «Слово рождается в диалоге, как его живая реплика, формируется в диалогическом взаимодействии с чужим словом в предмете. Конципирование словом своего предмета – диалогично» [4, с. 931].

Теория интертекстуальности Ю. Кристевой – это своего рода попытка синтезировать структуралистскую семиотику Ф. де Соссюра – его учение о том, как знаки выводят значение из структуры текста – с диалогизмом М.М. Бахтина. Однако если у Бахтина полифонический диалог происходит между суверенными субъектами, Я и Другим, то у Ю. Кристевой – между словесно-идеологическими инстанциями (текстами и дискурсами), которые лишь «встречаются» и «переплетаются» в отдельных индивидах, в свою очередь оказывающихся не чем иным, как подвижными текстами, находящимися в процессе «взаимообмена» и «перераспределения»: всякое слово (текст) есть такое пересечение двух слов (текстов), где можно прочесть по меньшей мере еще одно слово (текст). «Любой текст строится как мозаика цитаций, любой текст есть включение и трансформация какого-нибудь другого текста» [8, с. 167].

Развитие идей Ю. Кристевой нашло отражение и в определении интертекста Р. Барта, который пишет: «Каждый текст является интертекстом <...>. Как необходимое предварительное условие для любого текста, интертекстуальность не может быть сведена к проблеме источников и влияний;

---

¹ Синёв Антон Эдуардович, студент 1-го курса химико-металлургического факультета, e-mail: Sinyovanton@gmail.com

Sinyov Anton, a first-year student of Chemical and Metallurgical Faculty, e-mail: Sinyovanton@gmail.com

² Крапивкина Ольга Александровна, доцент кафедры иностранных языков №2 (для технических специальностей), e-mail: koa1504@mail.ru

Krapivkina Olga, Candidate of Philology, Associate Professor of Foreign Languages Department №2, e-mail: koa1504@mail.ru

она представляет собой общее поле анонимных формул, происхождение которых редко можно обнаружить, бессознательных или автоматических цитаций, даваемых без кавычек» [3, с. 78].

Трактовка интертекстуальности как универсального явления имеет место и в работах Ж. Женетта, Х.Ф. Плетта, В.Е. Чернявской, О.Г. Ревзиной, И.Н. Смирнова и др. Так, В.Е. Чернявская определяет интертекстуальность как необходимый конституирующий признак текста, а также критерий самой текстуальности в понимании современной лингвистики [12]. По О.Г. Ревзиной, интертекстуальность есть «основа порождения дискурса <...>.... основа продвижения языка во времени, его историчности» [10].

Неоспоримую роль играет интертекстуальность, построенная на множественных включениях знаков *Другого*, и в научном дискурсе, где она выступает в качестве некоего стабилизатора, обеспечивающего преемственность входящих в него текстов.

В научном сообществе невозможна замкнутость субъекта. Всякий дискурс порождается с оглядкой на предыдущий опыт *Другого*, достигнутые результаты его научной деятельности. Каждый новый создаваемый текст выступает элементом, структурной составляющей единой системы.

Научный текст, не соотношенный с другими продуктами деятельности научного сообщества, вряд ли получит признание. В науке одну из главных ролей играют авторитетность, преемственность, достигаемые за счет обращенности к опыту *Другого*.

Каждый последующий текст подкрепляется авторитетом предыдущего. Ни один текст не может существовать без опоры на речь *Другого*.

Суть интертекста сводится к обнаружению в рамках одного текста «следов» *Другого*, эксплицированных на языковом уровне в перечисленных выше элементах интертекстуальности, либо не получивших языковой экспликации. А так как ни один текст не чужд идее «соприсутствия» в нем в более или менее узнаваемых формах «чужого» слова, проблема интертекстуальности, на которую обратила внимание Ю. Кристева, получила огромную популярность среди исследователей.

Таким образом, тенденция обращения к текстам *Другого* делает проблему интертекстуальности в анализе научного дискурса одной из приоритетных.

В научной литературе можно выделить два основных направления в определении понятия «интертекстуальность»: 1) интертекстуальность как включение в текст других текстов в целом или фрагментарно; 2) интертекстуальность как связь, отношение между текстами.

Первый подход нашел отражение в работах Ю. Кристевой [8], по словам которой, интертекстуальность превращает каждый текст в «мозаику цитат» и часть более крупной мозаики текстов. Вторая точка зрения отражена в работе Ж. Женетта [5], который был одним из первых, кто предпринял попытку вынести проблему интертекстуальности в область лингвистических исследований. Для него интертекстуальность – это не первоэлемент литературы, а всего лишь один из типов существующих в ней взаимосвязей. В своей работе исследователь пишет: «Я определяю ее – пусть и несколько ограниченно – через отношение сопутствия, существующее между двумя или несколькими текстами. В наиболее эксплицитной форме это традиционная практика цитирования; в менее явной и менее канонической форме это плагиат; в еще менее эксплицитной и менее буквальной форме это аллюзия. Следовательно, интертекстуальность – это одно из транстекстовых отношений» [5].

Ж. Женетт выделил пять типов межтекстовых взаимодействий:

- интекстуальность как соприсутствие в одном тексте двух или более текстов (цитата, аллюзия, плагиат и т.д.);
- паратекстуальность как отношение текста к своему заглавию, послесловию, эпиграфу;
- метатекстуальность как комментирующая и часто критическая ссылка на свой претекст;
- гипертекстуальность как осмеяние или пародирование одним текстом другого;
- архитектстуальность, понимаемая как жанровая связь текстов.

Придерживаясь теории Ж. Женетта, рассмотрим, каким образом архитектстуальные отношения, являющиеся объектом нашего анализа, реализуются в научной статье.

Архитекстуальная (от лат. *arche* – первообраз, оригинал) связь представляет собой установление в отдельном тексте набора характеристик, типично ассоциируемых с тем или иным прецедентным жанром [7].

Жанр «статья» является одним из прецедентных жанров научного дискурса. Наиболее яркими чертами данного жанра является сухость языка; терминологичность; обилие сложных слов и слов, построенных по словообразовательной модели с абстрактным значением; наличие средства, повышающих уровень плотности когнитивной информации; наличие большого количества сложных синтаксических конструкций; номинативность текста; разнообразные средств выражения пассивности по отношению к формальному подлежащему (специальные глагольные залоговые формы; глагольные конструкции с пассивным значением, безличные и неопределенно-личные конструкции); четкость и логичность построения, следование жестким правилам текстовой композиции; недопустимость эмо-

ционально-экспрессивных определений, метафор, инверсий и других иностилевых включений. В нижеприведенных примерах отчетливо прослеживается ряд отмеченных выше особенностей:

Вторая зона содержит значения номера t , аддитивной помехи, независимой переменной в 1–5 степенях, значения сгенерированного полинома, рассчитанного по исчисленным коэффициентам полинома и очищенного от случайной составляющей (помехи) полинома исчисленной степени с коэффициентами из первой четверти.

Начало зоны лавинного разрушения структуры 2–3 (от 225 до 334 Па) характеризуется началом преобладания разрушения структуры над восстановлением с увеличением скорости сдвига, происходит резкое уменьшение вязкости за счет разрушения образованных ранее пространственных связей геля сывороточных белков и ориентирования частиц вдоль вектора скорости.

В высказываниях мы наблюдаем сложный синтаксис и использование специальных терминов, отсутствие эмоционального типа информации, а также номинативные структуры и обилие слов с абстрактным значением.

Структура анализируемых статей также соответствует научному стилю изложения: присутствуют все композиционные части, являющиеся прототипичными для научной статьи – введение, основная часть, в которой авторы обсуждаются достигнутые результаты, и заключение.

Отличительной чертой научного дискурса является и семантика подлежащего. Как пишет И.С. Алексеева, в качестве подлежащего, как правило, используется существительное из тематического круга данной области знаний или средства вторичной номинации (личные и указательные местоимения, наречия), указывающие на такое существительное [1, с. 167].

Дальнейшие шаги будут направлены на разработку гибридного приложения, работающего по принципу сетевого анализатора, но включающего в себя нейронную сеть.

Проведенные исследования полностью подтвердили правомерность выдвинутых предположений по высокой эффективности изложенного в [2] подхода.

Нижеследующие примеры демонстрируют присущее данному жанру разнообразие средств выражения пассивности:

*В этой работе **был предложен** вариант за счет функций API **придать** детерминированность прокси, используя нейронную сеть как регулятор адаптивных правил.*

*Тестовый пример работы пользователей с использованием сетевого приложения веб-браузера **представлен** на рис. 10.*

*Ход работы модели условно **можно разделить** на два этапа.*

Все высказывания являются неопределенно-личными предложениями с нулевым субъектом. В научном дискурсе пассивные конструкции с формально не выраженным субъектом позволяют акцентировать абсолютное и универсальное, и являются самым распространенным методом имперсонализации языка. Эта особенность свидетельствует о своего рода «отчуждении» высказывания от индивида, придавая ему объективный характер, переводя его из сферы субъективных речемыслительных операций в область объективно существующего [6]. Деперсонализация, достигаемая за счет употребления бессубъектных конструкций, придает научному дискурсу большую убедительность, весомость, увеличивает его перлокутивный эффект. Таким образом, отсутствие личных и притяжательных местоимений 1-го лица – еще одна характерная черта жанра научной статьи.

Примером использования в научных текстах средств повышения плотности информации может служить следующее высказывание:

*Это **придало** импульс развитию таких сетевых сервисов, как **DICOM**, IP-конференция, телефония **VoIP**, синхронизация серверов и сетевых хранилищ.*

*По данным анализа исследований установлено, что твердообразную структуру при термообработке **62-68 °C** имеет **КМС** с массовой долей сухих веществ **54±2 %** [2, 6], при этом предельное напряжение сдвига (Θ_0) составляет около **300 Па**.*

Авторы используют аббревиатуры и числовые показатели, которые являются сигналом повышения плотности информации.

В настоящей работе мы обзорно рассмотрели один из типов интертекстуальных связей – архитекстуальность, – которая доказывает присутствие *Другого* в дискурсе субъекта, выступая как универсальный принцип построения научных текстов. Средствами архитекстуальной связи в научных статьях служат характеристики, типично ассоциируемые с данным жанром, поскольку статья как жанр научного дискурса характеризуется определенными специфическими признаками.

Библиографический список

1. Алексеева И.С. Профессиональный тренинг переводчика: учеб. пособие по устному и письменному переводу для переводчиков и преподавателей. – СПб.: СОЮЗ, 2001. – 287 с.
2. Арнольд И.В. Семантика, стилистика, интертекстуальность. – СПб.: Изд-во СПбГУ, 1999. – 443 с.
3. Барт Р. Текст (теория текста) // Encyclopaedia universalis. 1973.
4. Бахтин М.М. Вопросы литературы и эстетики. М.: Худож. литература, 1975. – 504 с.
5. Женнетт Ж. Палимсесты: литература во второй степени // Фигуры: Работы по поэтике: в 2-х т. – М.: Изд-во им. Сабашниковых, 1998. – С. 79–93.
6. Кожемякин Е.А. Юридический дискурс как культурный феномен: структура и смыслообразование [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.konference.siberia-expert.com> (дата обращения: 28.12.2010).
7. Коновалова М.В. Глобальные категории когерентности и интертекстуальности в юридическом дискурсе. – Челябинск: Изд-во Челябинский государственный университет, 2008. – 215 с.
8. Кристева Ю. Избранные труды: Разрушение поэтики. – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2004. – 656 с.
9. Олизько Н.С. Семиотико-синергетическая интерпретация особенностей реализации категорий интертекстуальности и интердискурсивности в постмодернистском художественном дискурсе. – Челябинск, 2009. – 350 с.
10. Ревзина О.Г. Лингвистика XXI века: на путях к целостности теории языка // Критика и семиотика. – 2004. – Вып. 7. – С. 11–20.
11. Реформатский А.А. Введение в языковедение. – М.: Просвещение, 1967. – С. 407–464.
12. Чернявская В.Е. Интертекстуальное взаимодействие как основа научной коммуникации. – СПб.: Изд-во СПбГУЭФ, 1999. – 209 с.